

Леля Р.

Долгая

Зимняя

ночь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лея Р.

Долгая зимняя ночь

«Автор»

2026

Р. Л.

Долгая зимняя ночь / Л. Р. — «Автор», 2026

На экспериментальной климатической станции "ЗАСЛОН-Эко" начинают происходить странные вещи. Последний эпизод приводит к смерти человека, и перед руководителем проекта встаёт необходимость до следующего утра выяснить, виновны ли в случившемся люди, или это злые игры искусственного интеллекта.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Лея Р. Долгая зимняя ночь

Грузное тело застыло в неестественной позе, будто и после смерти отчаянно пытаюсь добраться до выхода. Левая рука инстинктивно легла на горло, а правая тянулась к оставшейся в каких-нибудь тридцати шагах гермодвери. Большая круглая лысина на макушке приобрела нелепый синюшный оттенок. Или это отражается от блестящей кожи умиротворяющий фиолетовый свет фитоламп?..

Не выветривающийся даже мощной системой вентиляции запах цветущей речки, прочно поселившийся здесь, среди бассейнов, всегда навевал мысли о детстве и лете в деревне. Вспомнилось, как однажды из местного пруда водолазы вытащили утопленника – такого же синюшного, как лежащий на бетонном полу человек.

Аделина Львовна стояла неподвижно, отрешённо глядя на разметавшийся по полу белый халат и неестественно повёрнутую голову с приоткрытым ртом и широко, страшно распахнутыми глазами. Ведущему инженеру-климатологу, руководительнице амбициозного проекта «ЗАСЛОН-Эко», никак не верилось, что искусственный интеллект мог убить сотрудника. И всё же мёртвое тело лежало перед ней самым неоспоримым тому доказательством.

Мысли невольно метнулись к заседанию, проходившему в Москве всего каких-то семь месяцев назад. Тогда Альберт Оганесович, академик Санкт-Петербургского отделения РАН, альголог¹, специализирующийся на физиологии фитопланктона, довольно скептически отнёсся к идее продуцирования кислорода в условиях изолированной экосистемы. Однако солидное вознаграждение и обещание обеспечить всем запрошенным оборудованием вытащило пожилого доктора наук из любимого кресла в Северной столице.

Он прибыл на экспериментальную климатическую станцию спустя три месяца, когда ангар для культивирования фитопланктона полностью подготовили. Холодное байкальское лето окончательно уступило место неприветливой осени: золото солнца сменила ярко-жёлтая бахрома разгоняющих дождливую серость лиственниц.

– Ну что, перезимуем мы ядерную зиму, Алиночка? – с улыбкой спросил Альберт Оганесович, когда доктор Зимина зашла поинтересоваться, как новый сотрудник устроился на рабочем месте.

– Теоретически – да, – без колебаний ответила Аделина Львовна. – Хотя я очень надеюсь, что нам никогда не придётся выяснять это опытным путём.

– Дай-то бог, – вздохнул альголог. – У вас тут всем машина управляет, верно я понял?

– Можно и так сказать, – кивнула Зимина. – Искусственный интеллект отслеживает показания всех датчиков в режиме реального времени: следит за температурой в отсеках, контролирует газовый состав воздуха, поддерживает заданный уровень влажности...

– Ага, ага, – задумчиво перебил Альберт Оганесович. – А если мне нужно, скажем, температуру в бассейнах снизить? Или концентрацию углекислого газа в воде увеличить? Я могу это как-то вручную сделать, по старинке?

– Для этого пришлось бы переводить всю станцию на режим ручного управления, – покачала головой инженер-климатолог. – Вы лучше в случае чего сразу обращайтесь ко мне или к Дмитрию Валерьевичу – это наш штатный AI-разработчик. Мы дадим задание промпт-инженерам, и они внесут необходимые корректировки.

– Долго как у вас всё, – поморщился собеседник. – Я как-то проще привык: покрутил ручку и выставил все параметры, как тебе надо. Ну, делать нечего: кто платит, тот и заказывает музыку. Придётся мне к вашим порядкам привыкать.

¹ Альгология – раздел биологии, изучающий водоросли.

– Вы не волнуйтесь, Альберт Оганесович, Дима у нас парень расторопный. Пока на его модель никто не жаловался. Конечно, поначалу компания сомневалась, можно ли отдавать такой сложный блок под управление искусственному интеллекту. Но, знаете, лично я гораздо больше доверяю машинам, нежели людям. И, как показывает практика, не зря: третий год наша климатическая станция проходит испытания, и пока никаких нареканий в связи с использованием нейросети нет. Напротив, она развивается и требует всё меньшего контроля со стороны человека.

– Ну ладно, ладно. Вам, молодым, виднее. Мне-то что с моим планктоном: он как тысячу лет назад, так и сейчас растёт и умирает по одним законам. Моё дело маленькое – биомассу наращивать. Посмотрим, какие у вас лучше приживутся: диатомовые или синезелёные².

Аделина Львовна кивнула с облегчением. Она ждала очередных дебатов на тему разумности передачи управления станцией искусственному интеллекту, но их не последовало. Руководитель проекта сразу почувствовала симпатию к трудолюбивому учёному старой школы, который привык хорошо делать свою работу и не лезть туда, куда его не приглашают.

«Молодец всё же Артур Фёдорович, хорошего человека нам нашёл», – подумала инженер-климатолог, глядя, как альголог скрывается за медленно захлопывающейся гермодверью.

– Что, поздоровалась уже со стариком? – раздался за спиной резкий голос, так что Аделина вздрогнула.

– За языком следи, Орлов, – бесстрастно ответила она и двинулась по широкому коридору, не глядя на бывшего мужа.

– Ему шестьдесят три, мне его молодым человеком величать? Ладно, не дуйся, я по делу. Артур Фёдорович вместе с Тарасовым молодняк прислал, ну, ты знаешь. Они там маются у тебя в приёмной, может, я им пока экскурсию по станции организую?

– Я очень ценю твой энтузиазм по поводу обучения молодых специалистов, Ярик, – губы ведущего инженера-климатолога презрительно скривились от невольного воспоминания об ассистентке Катрин, освоившей постель начальника быстрее, чем схему работы автономного климатизатора. – Но была бы очень признательна, если бы ты наконец занялся тестированием системы антиобледенения во втором жилом модуле.

– Да я ещё три дня назад туда техников послал, не нашли они утечку, – пробурчал уязвлённый Ярослав, который с трудом сносил намёки бывшей жены касательно своей недостаточной компетентности.

– Поэтому я и поручила это тебе – дипломированному инженеру-климатологу, – пожалала плечами Аделина. – Нам пришлось переселить людей, потому что в их блоке стены льдом покрылись. Проверь исправность всех температурных датчиков, протестируй систему вентиляции. Найди и устрани проблему. Кажется, в этом и заключается твоя работа?

– Ты теперь вечно будешь на меня свою агрессию выплёскивать? Я же сто раз говорил: ну прости, что я хочу детей, а ты не можешь их родить...

– Орлов, я иду писать рапорт о служебном несоответствии занимаемой должности.

– Уже лечу во второй модуль! – бывший муж тут же испарился.

Доктор Зимина фыркнула и недовольно поджала губы: ей не нравились глупые намёки бывшего мужа, а ещё больше то, что она не в состоянии воспринимать их бесстрастно. Уволить бы его за лень и расторопность, назначить замом амбициозного умничку Кима – так ведь вся станция начнёт шептаться, дескать, отыгралась за неудавшуюся семейную жизнь. Ещё и, чего доброго, роман с молодым корейским эмигрантом припишут...

Ладонь приятно охладил гладкий металл сканера, и дверь приветливо раздвинулась, открывая ярко освещённую тёплым жёлтым светом приёмную. В просторном помещении тол-

² Водоросли (диатомовые) и бактерии (синезелёные), относящиеся к фитопланктону.

пилося около тридцати человек: прибывшие и расселившиеся вчера, сегодня они пришли на первый рабочий день.

– Всем здравствуйте, меня зовут Аделина Львовна, я руководитель научного проекта «ЗАСЛОН-Эко». Добро пожаловать на нашу испытательную автономную климатическую станцию, которая на ближайшие несколько месяцев станет вашим домом. Чем мы тут занимаемся, я думаю, вы все в курсе, поэтому сразу приглашаю на ознакомительную экскурсию. Если возникнут вопросы, не стесняйтесь задавать их сейчас, чтобы потом не тыкаться по станции слепыми котятками.

– А можно сразу вопрос?

Ведущий инженер-климатолог окинула оценивающим взглядом высокого, светловолосого, совсем ещё молодого парня. Такому бы гитару в руки – и все девчонки его. И улыбается так открыто и искренне, как будто ребёнок пятилетний, которого в цирк привели и фокусы со слонами показывают.

– Можно, если по делу.

– По делу. А у вас тут правда свиньи живут? Я просто без образования, разнорабочим устроился. Сказали, буду делать, что велят, могут даже в свинарник отправить. Нет, я животных люблю, вы не подумайте. Просто – вы серьёзно в этом бункере своими силами выживаете? Вообще с внешним миром не общаетесь?

– Вас как зовут? – приподняв бровь, уточнила Зимица.

– Павел. Стариков Павел Викторович.

– Кто-то из присутствующих может ответить на вопрос господина Старикова? – Аделина Львовна обвела молодёжь вопросительным взглядом.

– Могу попробовать, – робко подняла руку невысокая девушка с кудрявыми каштановыми волосами чуть ниже плеч. После одобрительного кивка, она смущённо продолжила: – Проект «ЗАСЛОН-Эко» разрабатывался на случай ядерной зимы. Никто в точности не знает, сколько она может продлиться и как изменит температурный режим на планете. Поэтому суть климатической станции заключается в том, чтобы создать устойчивую замкнутую экосистему, способную к автономному существованию на протяжении нескольких лет.

– Верно, – похвалила руководитель. – Как зовут?

– Полина Яндулова, заканчиваю Институт глобального климата и экологии. Я, как только узнала про ваш проект, мечтала попасть сюда работать. Взяли стажёром, буду здесь диплом писать. Надеюсь, после защиты вернусь к вам насовсем, – студентка застенчиво улыбнулась.

– Отлично, Полина. А теперь предлагаю всё же прогуляться. Обходить весь комплекс мы, разумеется, не будем, поскольку он занимает более пяти гектаров и постоянно растёт – больше под землю, конечно, но вширь тоже. Заглянем в основные отсеки, а после обеда Марианна Игоревна, наш кадровик, распределит вас по отделам.

Группа двинулась по скупому освещённому узкому коридору, напоминающему самый обычный старый офис: по правой и левой сторонам мелькали белые двери с круглыми ручками. Не теряя времени, Аделина Львовна начала рассказ:

– Здесь у нас административный отдел. Большая часть кабинетов пустует – все «в поле». Интересного ничего нет. Сейчас плотненько грузимся в лифт и двумя партиями спускаемся на пятый. Кто ещё не разобрался: мы сейчас на первом подземном. Выше – нулевой, он же единственный надземный. Там мы с вами тоже побываем, но сейчас – под землю, в сердце нашей станции.

Бесшумно закрывшись, лифт не то фыркнул, не то скрипнул и пополз вниз. Площадка на пятом этаже мало чем отличалась: тот же белый потолок и белые стены, тусклое освещение. А вот запах стоял совершенно иной: в воздухе явственно ощущался жжёный металл.

– А почему у вас здесь всё такое белое, аж глаз режет? – раздался среди шушуканья громкий голос Павла.

– Поживёшь месяц под землёй – поймёшь, – посулила Зими́на. – Сейчас ждём вторую половину вашей группы и идём в энергоблок. В машинное отделение заходить не будем, там слишком шумно. Понаблюдаем из коридора, со смотровой площадки. Энергетики есть?

– Есть, – шагнул вперёд коренастый темноволосый мужчина. – Техник первой категории Чебатаев, десять лет стажа.

– Отлично. Вот вы после обеда можете отдел кадров пропустить и сразу сюда спускаться. Спросите Петра Давидовича, он у нас тут царь и бог. Так, все прибыли, двигаемся дальше!

Через минуту тридцать пар глаз прильнуло к стеклянной стене, разглядывая бесконечный лабиринт труб и пугающих приборов, среди которых сновали люди в синих спецовках. Гул из машинного отделения, уходящего ниже, на шестой этаж, вынудил Аделину Львовну повысить голос, так что приходилось чуть ли не кричать:

– Как вам, полагаю, известно, в условиях ядерной зимы рассчитывать на ГЭС или АЭС не приходится. Поэтому мы нашли единственное, как нам кажется, доступное для автономной станции решение – геотермальная энергетика. В нашем случае отопление и электроснабжение обеспечивает гидротермальная электростанция бинарного типа. Собственно, она и определила местоположение всего нашего проекта: в Байкальской рифтовой зоне горячие источники залегают близко к поверхности, поэтому пробурить двенадцать скважин, которые питают нашу станцию, получилось сравнительно недорого.

– Но у вас ведь экспериментальный проект? – вновь вклинился с вопросом Стариков. – То есть предполагается, что такие станции появятся по всей стране на случай ядерной войны. А горячие источники у нас где есть? Ну, Кавказ, Камчатка, здесь вот. Это же капля в море.

– Спасибо за искренний интерес к нашему проекту, Павел, – улыбнулась ведущий инженер-климатолог. – Естественно, мы приняли это во внимание и на других территориях планируем использовать петротермальную энергетика, то есть брать тепло не от горячей воды, а непосредственно от глубинных пород. Само собой, бурение десятикилометровых скважин обойдётся в разы дороже, поэтому в настоящее время команда наших геологов обследует отработанные нефтегазовые скважины и ищет среди них пригодные для дальнейшей разработки и эксплуатации. Я продолжу?

– Да, конечно, – смутился блондин. – Спасибо.

После энергетического блока Аделина Львовна провела вновь прибывших выше, ознакомив со средствами наземного и подземного обслуживания общего применения.

– Если ГеоЭС – это сердце нашей станции, СНИПО ОП – мозг. Сюда входят системы обогрева, антиобледенения и фильтрации воздуха, увлажнители, регуляторы давления, контроллеры газового состава – словом, всё, что имеет отношение к климату. Датчики и приборы раскиданы по всей станции, а здесь, на посту управления, постоянно дежурят минимум трое климатологов. Следит за всем искусственный интеллект, который в случае сбоя немедленно информирует о проблеме, выполняет диагностику и сообщает инженерам о результатах проверки. Если опасность в каком-то отсеке ИИ посчитает критической, то гермозатворы автоматически заблокируются до устранения проблемы.

– А как же люди, которые там останутся? – робко спросила Полина.

Руководитель развела руками:

– Вытащить их будет невозможно. Это сделано с целью исключения человеческого фактора в вопросах обеспечения безопасности. Людям свойственно идти на неоправданный риск, когда дело касается их близких. ИИ руководствуется исключительно соображениями целесообразности: он не станет подвергать опасности всю станцию из-за нескольких человек.

Новички начали хмуро переглядываться, и Зими́на поспешила успокоить:

– Не волнуйтесь, за всё время работы станции система блокировки сработала лишь однажды, да и то по ошибке. Никто не пострадал.

– А можно узнать подробности? – поинтересовался техник-энергетик Чебатаев.

– Конечно, ничего секретного тут нет. В плавильном цеху температура поднялась выше допустимого предела, ИИ определил это как локальное возгорание, заблокировал гермозатворы и выкачал из помещения весь кислород для остановки реакции горения. Да, у нас все сотрудники обязаны носить с собой кислородные баллончики с маской и в случае пожара незамедлительно ими пользоваться. На наше счастье, технику безопасности в плавильном цеху соблюдали, так что минут через двадцать работники спокойно вышли, живые и здоровые. Температурные датчики во всех горячих цехах мы перепрошили, повысив верхнюю границу нормы, так что подобных инцидентов больше не возникало. Так, идём дальше.

За три часа ведущий инженер-климатолог показала новым сотрудникам основные помещения станции, включая инфраструктурный блок с тренажёрным и кинозалом, учебными классами, медицинскими кабинетами. Последним пунктом программы стал агрокомплекс на нулевом этаже, где под полноспектральными фитолампами тянулись вверх злаки и бобовые, овощи и зелень. В дальних загонах гуляло несколько десятков коз, отдельно паслись гуси и куры. От свинарника на тридцать голов исходил характерный запах, несмотря на то что система вентиляции работала на полную мощность.

– И этого хватает, чтобы прокормить всю станцию? – недоверчиво спросила дородная женщина в очках.

– На седьмом этаже у нас склады с провизией, – объяснила Аделина Львовна. – Там есть и холодильные, и морозильные отделения, но большая часть – консервы. Станция способна вместить пять тысяч человек. Склады рассчитаны на то, чтобы кормить это количество людей в течение десяти лет. Наш агрокомплекс – скорее приятное дополнение к консервам и, так сказать, Ноев ковчег для полезных человеку видов. Хотя, пока нас здесь менее пятисот человек, имеющихся на станции ресурсов вполне хватает. Недавно вот запустили в работу целый ангар с бассейнами, полными рыбы и фитопланктона. Кстати, новоприбывшие разнорабочие, думаю, большей частью отправятся трудиться именно туда. Ну а теперь, перед обедом, покажу вам гордость нашей климатической станции.

Это было единственное место, куда беспрепятственно проникал солнечный свет. Огромный прозрачный купол огораживал своеобразную оранжерею площадью в полтора гектара. Как и в агрокомплексе, вместо пола здесь была настоящая земля, покрытая где ковром подстриженной травы, где ярко-зелёными папоротниками, где пушистым мхом. Вдоль посыпанных мраморным белым щебнем тропинок возвышались кусты малины, смородины, жимолости – уже лысеющие, со сморщенными листьями, торчащие неприглядными бурыми ветками. Вдалеке прогуливалась рядом с искусственным водоёмом стайка мандаринок, сверху слышался щебет и треск скворцов.

– Здесь у нас садово-парковая территория, – руководитель климатической станции с удовольствием оглядывалась и щурилась под редким октябрьским солнцем, лучи которого озаряли засыпающий сад. – Яблони, груши, сливы, абрикосы, облепиху, вишню высадили полтора года назад, этим летом кое-кто уже пытался цвести. Там, во мху, – брусника и голубика, недавно плодоносили. Этой весной мандарины и гранаты посадили, лимоны, инжир, финики, хурму, фейхоа, персики – поглядим, как приживутся.

– А не помёрзнут у вас тут эти фейхоа с цитрусами? – с сомнением спросил высокий лысый мужчина, теребя изумрудный кожистый лист.

– С ноября по конец февраля поддерживаем температуру семь-восемь градусов, – пожала плечами Аделина Львовна. – Наши ботаники говорят, этого вполне достаточно для комфортной зимовки. Можно было, конечно, превратить это пространство в зимний сад, как мы, собственно, и намеревались изначально. Но, во-первых, тогда пришлось бы оставлять только вечнозелёные растения, а, во-вторых, отапливать всю эту красоту в минус двадцать чересчур энергозатратно. Поэтому остановились на текущем варианте.

– А стёкла здесь просвинцованные, выходит? – задрал голову, поинтересовался Павел. – Не боитесь отравиться своими фруктами из этойкой-то теплицы?

– Это многослойные боратные стёкла с добавлением оксида бария. Между слоями проложена плотная прозрачная плёнка сверхвысокомолекулярного полиэтилена с вкраплением наночастиц вольфрама. Конструкция напоминает коржевой торт и защищает от радиоизлучения не хуже, чем полутораметровый слой тяжёлого бетона. Наши стёкла легче, дешевле и безопаснее классических свинцовых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.